

нутых Татищевым летописей, С. Л. Пештич открыл возможность серьезного источниковедческого исследования «татищевских известий». Он справедливо указал на то, что отнесение некоторых из этих известий к построениям самого Татищева не уменьшает, а увеличивает «заслуги Татищева как историка»: «Противоречивость формы и содержания его труда, написанного в виде летописного свода, но являющегося уже не летописью, а историческим произведением, только составленным в виде летописи, свидетельствует о самостоятельном истолковании источников Татищевым в духе его общественно-политических взглядов и в соответствии с общим уровнем развития исторической мысли в России».²

К сожалению, эта плодотворная мысль не была понята и учтена оппонентами С. Л. Пештича. Исследователь, больше всех сделавший для изучения татищевского труда и его источников, услышал упреки в «неоскептицизме», даже в желании «поставить под сомнение самостоятельное значение древнерусской культуры». Высказывая такие упреки, критики С. Л. Пештича не захотели понять и хотя бы просто процитировать приведенные нами выше замечания исследователя о «татищевских известиях» как отражении «самостоятельного истолкования источников Татищевым».

Сергей Леонидович Пештич не сможет уже завершить свои труды по истории русской исторической науки. Но мы имеем основания надеяться, что стремление ученого изучить источниковедческую базу ранней русской историографии, включить эту историографию в историю общественной мысли своего времени не будет забыто в науке и найдет последователей. Продолжить труды Сергея Леонидовича предстоит новому, молодому поколению исследователей.

Я. С. Лурье

² С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, стр. 261.